

Боже мой, как они были похожи! Я лежала на пляже, когда он бежал к реке вместе с мальчишками, огромный белый пес с крупными лапами и веселыми гордыми глазами.

Я не выдержала, подбежала к нему, и он почему-то разрешил мне себя погладить; потрогать и поговорить с ним и потом вдруг резко отвернулся и убежал. Застеснялся моей нежности. «Хватит, мол! Я тебе это позволил, потому что я сильный, а ты маленькая и слабая, и я это вижу». Его звали Амур.

Потом я его часто встречала пробегающим по дорожкам Рузы, и мне казалось, что, когда я его звала, гордый, красивый Амур хоть и не останавливался, но знал, что это я, и как-то по-собачьему мне отвечал. И только один раз, когда на дорожке он был со-

Он
между нами
жил

Культура. — 1994. — 10 сент. — с. 12.
**С БЕЛОЙ ГОЛОВОЙ
И СИЯЮЩИМИ
ГЛАЗАМИ**

всем один, я подошла к нему, взяла его большую белую голову и долго с ним разговаривала, и он, как тогда на пляже, смотрел на меня и, как на пляже, вдруг, резко и мягко вырвавшись из моих рук, побежал по боковой аллее куда-то. А на ступеньках рузской столовой стоял человек. Я сначала его не заметила, но когда, обернувшись за убегавшим Амуром, вдруг увидела его, охнула от их похожести.

Как же они были похожи! Породистые, высокие, холёные, веселые и гордые, с абсолютно белыми головами.

Человека я знала очень давно. Нет, я знала его другого, из моего детства, когда он счастливый, с сияющими глазами после окончания в театре знаменитейшего спектакля Москвы, его спектакля, героине которого подражали потом почти все артистки Советского Союза; хотя играла она не кокетку и не королеву, а простую рабочую девушку из Иркутска, входил в наш репетиционный зал, садился к royalty и пел нам про бант голубой, Щукинский бант голубой. Кормил нас конфетами и, когда мы растаивали от его озорства и таланта, начинал репетировать водевиль. Меня, маленькую, большеглазую,

смешную Наташку, он сделал матерью Кубыркиной, приехавшей с дочерью из провинции искать жениха. Дочка была в два раза больше меня. И тут же, на репетиции, посмотрев на меня сияющими глазами, сочинил мне стихи в песенке-представлении, оканчивающиеся словами: «Я ее взрослая Мать! Мать! Мать! Мать!».

Когда я эти куплеты спела, зал рыдал от смеха.

Мы его очень любили за его легкость, праздничность, талантливость, доступность, человеческую доброту, истинную демократичность и доброжелательность.

Он был очень счастлив тогда. На старшем курсе училась его Мадонна, ожившая рафаэлевская Мадонна, добрая, милая и очень простая. И спектакль про «таланты и поклонники» был ни на что не похож, потому что он его делал для нее, и, когда эта Негина уезжала от Пети с ним, почему-то верилось, что ей с ним будет хорошо.

В этом спектакле была их тайна. На этот спектакль приходили по несколько раз одни и те же люди, критики его хвалили, Москва на него ходила. Но спектакль был наш, личный. Его, ее и наш!

Много лет спустя пришла на вечер в ВТО, где знаменитый режиссер читал Пушкина, более 20 стихотворений, читал не просто хорошо и вдохновенно, а истово, мне показалось. Да нет, я была уверена, что он выживал ими, когда умирала она, молодая, прекрасная, любящая наша Негина.

Выживать Пушкиным мог только он. Вахтанговец, Шереметевец, человек духа. Сколько он помог молдаванам и осетинам, кумыкам и лакам, рижанам и москвичам, в самые трудные минуты, когда жизнь и быт театра, грязь и подлость тебя затапывали. Детство с Его культурой, с Его любовью к человеческому вдохновению, к цыганской сорokinской гитаре, Блоку, Пушкину, Вальке-дешевке, которую он сумел пожалеть, не унизив, к Филумене — женщина эта была благородна и свята.

Мне всегда казалось, что спектакль про Нину Заречную (потому что в этой пьесе все про Нину, и каждая из нас, как Комиссаржевская, плачет над Ниной ли, над собой ли), загадочный чеховский спектакль про Нину, сейчас мог бы поставить только он.

Лето было без дождей. Руза согревала, кормила, веселила.

Я не хочу писать о газетах. Каждый день, открывая их, я читала тогда одинаковые страшные статьи о Нем. Я не хочу и не могу судить.

Вахтанговский театр — это не театр, это символ веры и радости, и не понимали этого только вахтанговские актеры. Они люди, их, наверное, тоже можно понять.

Отпуск кончился. Я стояла в кучке отъезжающих у автобуса, по дороге бежал Амур в компании мальчишек. И уже когда оставались минуты до отъезда автобуса, я увидела, как Он, гордо неся молодую седую голову, подошел ко мне и на глазах толпы провожающих и отъезжавших актеров приподнял меня и поцеловал в лоб.

Волна тепла и нежности делилась от меня и окутала его. Никогда в жизни со мной этого не происходило, и если в каждой женщине есть Бог, то тогда он был во мне. А он, мягко и резко отвернувшись, пошел, не оборачиваясь, по боковой аллее куда-то.

Наталья МАЕВА,
актриса Нового
драматического театра.

● Евгений Симонов.